

века за действительностью либо на архетипические представления, априорно передающиеся от поколения к поколению. Так, наблюдения за поведением птиц легли в основу формирования прототипов рано или поздно встающего или ложащегося спать человека и вербализации их квазиэталонами *жаворонок, сова*.

Прототипический характер квазиэталонов подтверждается рядом их функциональных, номинативных характеристик.

Во-первых, квазиэталоны частотны в речи носителей языка. Они широко используются в различных речевых жанрах (особенно в прецедентных текстах), выступают в качестве названий произведений, что свидетельствует об их текстообразующих функциях: *«Иван-царевич и Серый волк»*, *«Лиса и волк»* и др.

Во-вторых, квазиэталоны обладают высоким продуцирующим потенциалом. Они часто выступают в роли ономаσιологического базиса при образовании слов и устойчивых единиц. Ср.: *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьяничать*. *Волк* → *не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; волка ноги кормят; с волками жить по-волчьи выть*. *Ворона* → *ворона в павлиньих перьях, белая ворона, ни пава ни ворона*.

Н. В. Комлева
Вологда

ВОЛОГОДСКИЕ ФАМИЛИИ КАК ИСТОЧНИК ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

О. Н. Трубачёв, объясняя необходимость создания этимологического словаря фамилий России, так определил специфику фамилии: «Отличие фамильного имени от обычного личного имени состоит... в самобытности, не стеснённой канонизацией, а также в том, что своей нередко ярко выраженной знаковости, асемантичности современная фамилия достигла в конце истории, началом которой служила, по всей вероятности, как раз тесная соотносённость обозначения и обозначаемого, яркий смысл, поиски которого вполне оправданны при этимологизации фамилий» [Трубачёв 1968: 11].

Исследователи русских фамилий неоднократно подчеркивали их значимость для изучения диалектной лексики, поскольку в основах многих фамилий отразились те или иные особенности местных говоров. Эти вопросы затрагиваются в большом числе исследований, выполненных в русле региональной ономастики (см. работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, А. В. Сусловой, Е. П. Карнович, Г. В. Тропина, В. П. Тимофеева, Н. Н. Бражниковой, В. Ф. Житникова, Н. К. Фролова, Г. Я. Симиной,

Л. М. Щетинина, И. А. Королевой, А. Г. Мосина, Н. Н. Парфеновой и др.). Первостепенное значение для создания исторической классификации фамилий по способам их образования и происхождению имеет изучение фамилий жителей конкретных территорий. Работа в данном направлении ведётся во многих регионах страны: пермском – В. Ф. Житников [1991], Е. Н. Полякова [1997]; вологодском – Ю. И. Чайкина [1995]; тамбовском – Л. И. Дмитриева [1998]; тверском – И. М. Ганжина [2001] и других.

Методика изучения современных фамилий как источника диалектной лексики становится объектом рассмотрения в работах молодых авторов последнего десятилетия. В 2005 г. защищена диссертация Е. С. Ерёминой «Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда)», в которой проведён именно диалектологический анализ современных фамилий, установлено соотношение разных типов диалектизмов (фонетических, фонематических, словообразовательных и семантических) в одном фамильном массиве. Разработанные в данном исследовании принципы этимологического анализа фамилий с диалектными основами позволяют определить апеллятивные основы значительного числа русских фамилий, в том числе и с затемнённой семантикой [Ерёмина 2005: 18].

В диссертационном исследовании Ю. Ю. Марченковой «Фамилии Рославльского края (синхронический и диахронический аспекты)» [Марченкова 2006] также большое внимание уделено изучению семантики основ диалектных фамилий одного из центральных районов Смоленщины.

Исследователи русской ономастики последних лет справедливо отмечают тот факт, что в существующих словарях современных русских фамилий недостаточное внимание уделяется фамилиям диалектного происхождения. В этой связи не теряет своей актуальности изучение фамилий отдельных регионов России как в описательном, так и в историческом аспекте.

В тех случаях, когда апеллятивы, лежащие в основе антропонимов, не зафиксированы ни в письменных источниках, ни в исторических словарях, прибегают к реконструкции лексики донационального периода, привлекая однокоренные слова старорусского языка или материалы современных говоров. Для некоторых прозвищ в качестве сопоставительного материала привлекаются словари XIX – XX вв. Думается, что нет оснований подвергать сомнению критерий правильности и ономастической обоснованности подобного анализа имени. Во многих работах, посвящённых анализу антропонимического материала XVI – XVII вв., используются для сопоставления поздние словари. Так, например, Е. Н. Полякова считает, что хотя за прошедшее с XVI – XVII вв. время в лексике, и особенно в семантике, происходили определённые изменения, можно, тем

не менее, говорить о достаточной устойчивости лексики, особенно диалектной [Полякова 1997: 13].

Реконструируя лексемы на базе прозвищных имён по данным словарей современных говоров, исследователь неизбежно сталкивается со значительной многозначностью апеллятивных основ. При выборе мотивировочного признака для отнесения антропонима в соответствующее лексическое множество учитывался в первую очередь ареал той или иной лексемы, зафиксированной в современных говорах. Например: Баженко *Корягинь* [ПКВ 1629, 65], прозв. *Коряга*, ср. в гов. 1) 'о кривоногом человеке' яре. 2) 'о несговорчивом, упрямом человеке' ярс., волог. [ВФ, 51]. Реконструированное на базе патронима прозвищное имя *Коряга* будет отнесено в группу имён, объединённых по принципу «характеристика коммуникативных качеств человека», на основании того, что именно с таким значением известно прозвище в современных вологодских говорах, а не в ярославских.

Однако следует отметить, что иногда и в рамках одного и того же территориального диалекта слово известно в нескольких значениях, например: *Непоставко* Иванов [ДКВ 1616 – 1617, 349], ср. в гов. *непостай* 'подвижный, вертлявый' череп. или от *непоставный* 'нескладный, некрасивый' череп. [ВФ, 68]. В данных случаях следует вести речь о вариативном определении мотивировочных признаков, положенных в основу именования.

В данной статье приводятся некоторые сведения по изучению апеллятивной лексики, лежащей в основе прозвищных имён и фамильных прозваний, зафиксированных в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв., с точки зрения её диалектного состава. Общий удельный вес прозвищных имён, восходящих к именам нарицательным, которые относятся исключительно к группе вологодских говоров, невелик (5 % от всех прозвищных имён). Однако наибольшее количество прозвищных имён с вологодскими диалектными корнями сосредоточено в двух лексико-семантических группах: «Свойства, характер, поведение человека» и «Внешний вид человека». В каждой из групп выделяется ещё несколько подгрупп апеллятивной лексики.

Так, например, многочисленны прозвища и фамильные прозвания, называющие человека по какой-либо его черте характера или особенности поведения.

Так, люди, совершающие дурные поступки, могли получить прозвища: *Ивашко Михайлов с Лоскуть*, розсылщик [ПКВ 1629, 123]; *Михалко Лоскуть*, россылщик [ПКВ 1629, 98], ср. *лоскутить* 'делать что-либо неподобающее' Кир. [СВГ IV, 50]; *Омельяanko Потыка*, каменщик [ПКВ, 1629, 55), ср. *Потык* бран. 'человек, совершающий позорные, бесстыдные поступки' Сямж., Монаст. [СВГ VIII, 19].

Неподвижных и непоседливых могли назвать *Шемела*:

Завьялко *Шемелов*, каменщик [ПКВ 1629, 149], ср. *шемела* ‘метла’, новгор., вологодск., яросл., калужск., тамб., смол.; *шемела* ‘непоседа’, вятск., ‘болтун’, олонек. [Ф IV, 427]. В СВГ находим выражение *Шемелу бить* в значении ‘ведя себя беспокойно, крутиться, вертеться’ – Хватит тебе шемелу бить! Только ёрзаешь. Нюкс. Копыл. [СВГ XII, 81].

Следующие прозвища и фамильные прозвания подмечают в людях такие отрицательные черты, как скупость и жадность: Иван Семёнов с. *Кондыревъ*, помещик [КПВу II, 1678, 150 об.], ср. *кондырничать* ‘скупиться’ волог., прозвищем *Кондырь* могли назвать хитрого, злословящего или скупого человека [Поляк., 112];

неумеренность в еде: Лучка *Глотов* [ПКВ 1678, 50 об.], ср. в гов. *глот* ‘прожорливый человек, обжора’ арх., волог., костр. [ВФ, 25]. В СВГ отмечен глагол *глотничать* в значении ‘пить в большом количестве’ – С колодезцем-то работы много. И всё я. А он цё? Только вино глотничать. К-Г. Плоск. [СВГ I, 63];

замкнутость и необщительность: Ивашко *Бука*, дворник [ПКВ 1629, 117], ср. в гов. *бука* ‘нечистая сила’, ‘нечто некрасивое, отталкивающее’, ‘нелюдимый, необщительный человек’ арх., волог. [ВФ, 18]. В СВГ отмечена лексема *бука* в значении ‘*мифическое существо, нечистая сила*’ – Фу, опеть *бука* померещилась, щоть не померла со страху. Верх. Бор. *Бука* ребёнка напугал. Верх. Якун., а также имеет оттенок значения ‘*страшилище, нечто отталкивающее*’ – *Бука* какой, глядеть-то неохота. Ник. Дун. Так и хожу, как *бука* кака. Ник. [СВГ I, 26].

Следующая группа антропонимов содержит характеристику внешне-го облика человека.

Во внешнем облике обращали внимание на излишнюю полноту или, наоборот, худобу: Семейка *Мякишев* [ДКВ 1616 – 1617, 357], ср. в гов. *мякиш* ‘о кротком, простоватом человеке’ костр., ярс.; ‘о толстом человеке’ волог., пск., твер. [ВФ, 65]. В СВГ *мякиш* – ‘*полный, упитанный ребенок*’ – Эких *мякишей* топерь рожают. Хар. Никул. [СВГ IV, 61]; Пятунка *Кобыляка*, каменщик [ПКВ 1629, 153], ср. в гов. *кобыляк* неодобр. ‘здоровый, рослый подросток’ Кир. Устье [СВГ III, 101];

Отмечались и другие внешние особенности человека:

Филька Дементьев с. *Брилинъ* [ПКВ 1629, 53], ср. др.-рус. *бриластый* ‘толстогубый’; в гов. *брила* ‘губа’, ‘человек с толстой, отвислой губой’ волог., костр. [ВФ, 18]. В СВГ *брила* – ‘*губа*’ – Брила болит. К-Г. Новое. Ой, парень, кто тебе брилу-то эдак росшиб? Ник.; *брилан* – неодобр. ‘человек с толстыми обвислыми губами’ – Гли-ко, брилан какой идёт, губы-то, как у лошади. Ник. Осин. [СВГ I, 24];

Богдашка *Коковин* [ДКВ 1616 – 1617, 352], ср. *коковка* ‘набалдашник; загнутый конец клюки’ [Ф II, 282]; *коковуля* волог. ‘толстоносый’ [ВФ,

47]. В СВГ *кокова* – это ‘кончик носа’ Гляди-ко, кокова-то уж зелёная стала. Межд. Гавр. Вытри кокову-то, смотри-ко, вся грязная. Ник. Осин. [СВГ III, 109];

На какие-либо физические недостатки: *Шаврунка* ОстаФевъ [ПЮВу 1630, № 2, 33], ср. в гов. *шаврать* ‘ходить вяло, волочить ноги, шаркать’ волог. [Д IV, 618]. В СВГ *шавря* – ‘человек, который ходит, шаркая ногами’ – Подымай ноги-то, шавря! У-К. Устье. [СВГ XII, 59];

Шарапко Якунин [КПВу 1589, 41]; Богдан Калистратов с. *Шараповъ*, помещик [КПВу VIII, 1678, 187], ср. в гов. *шарап* 1) ‘жадный человек’ череп.; 2) ‘человек с кривыми ногами’ волог. [ВФ, 113]. В СВГ *шарапать* – ‘прикастаться к кому-, чему-либо, трогать’ Тот. Бор.; *шарапиха* – ‘неуклюжая, неповоротливая, толстая женщина’ – Эй, Светка, поживей-ко давай! Экая ты шарапиха! Кир. Колк. Шарапихой её звали: толстая была, неповоротливая. Влгд. Корг. [СВГ XII, 70].

Некоторые лексемы имеют обширнейшую географию в современных вологодских говорах, кроме того, они зафиксированы с целым комплексом значений. Сопоставление этих диалектных слов с апеллятивными основами современных вологодских фамилий, а также с основами антропонимов, извлеченных из памятников официально-деловой письменности XVI – XVII вв., позволяет не только более точно определить этимологию фамилий, но и подтвердить длительное существование таких фамилий на территории нашей области.

Возьмём, к примеру, такие распространённые и в настоящее время вологодские фамилии, как *Пестерев*, *Рохлин* и *Чечулин*.

В порядной записи конца XVI в. находим крестьянина по имени Завьял Данилов с. Лодошников прозвище *Пестерь* [Порядн. 1593, ОСВ, вып. 6, 14].

Фамилия *Пестерев* в телефонном справочнике (далее ТС) «Вологда и Вологодский район» [2000] отмечена 24 раза [ТС, 279].

Прозвище *Пестерь* в значении ‘толстый, неуклюжий человек (чаще о ребёнке)’ зафиксировано в Череповецком районе; в значении ‘неповоротливый, простоватый человек’, ‘увалень’ – в пермских и вологодских говорах [ВФ, 76].

В СВГ лексема *пестерь* представлена большой словарной статьёй. Во многих районах Вологодской области это слово употребляется в значении ‘корзина’: во-первых, ‘большая плетёная заплечная корзина для переноски тяжестей (сена, соломы, мха, травы)’ – Пестерь-то нужен для переноски корма скотине. Ручек у него нет, верёвка привязана, на плечо за верёвку – и понесли. Гряз. Троицк. + Баб., В-У., Верх., Вож., Влгд., Кир., К-Г., Межд., Ник., Ньюкс, Сок., Тарн., Тот., У-К., Хар.; во-вторых, ‘плетённая из берёсты или луба корзина с крышкой и двумя лямками; носилась за спиной, как ранец’ – Из берёсты пестери-то дела-

ют, даже воду можно носить, такие плотные. За ягодами ходят с пестерями. Сок. Чекш. Как пойдут в лес, дак возьмут пестери-то большие, дак обратно еле прутча. Ник. Кипш. + Влгд., В-У., Верх., Вож., Влгд., Гряз., Кир., К-Г., Межд., Ник., Нюкс, Сямж., Тарн., Тот.; в-третьих, *'плетенная из ивовых прутьев корзина без ручек'* – Этот пестерь пусь тут стоит: в нём курица кладётся. К-Г. Рудн. А пестерь и тепере на повити лежит. Тот. Целев. и, в-четвёртых, *'большая плетёная корзина для хранения одежды'* – Одежда-то у нас в пестерях лежит. Верх. [СВГ VII, 49 – 50].

Данная лексема получила развитие в переносных значениях, и неслучайно примеры употребления слова *пестерь* в прозвищном значении зафиксированы именно на территории Вологодского района (подтверждая тем самым вологодское происхождение фамилии), ср.: *'бестолковый человек'* – Сосед у нас не мужик, а пестерь какой-то, всё у него не так да не эдак. Чего с него, с пестеря, возьмёшь, сам весь запутался. Влгд. Пер.; *'глухой человек'* – Что ты с этим пестерём говоришь? Он ведь не слышит ничего. Влгд. Пер. В Сокольском районе зафиксировано выражение *шальной пестерь* в значении *'развратный, беспутный мужчина'*. Сок. Васил. [СВГ VII, 49 – 50].

Следующие вологодские фамилии *Рохлин (Рохлов, Рохлецов)* [ТС, 297] также имеют давнюю историю.

Фамильное прозвание *Рохлин* находим на страницах переписной книги Вологды во второй половине XVII в.: Мирошка Ивановъ с. *Рохлинъ* [КПВ 1678, 123]. В этимологическом словаре М. Фасмера есть прилагательное *рохлый* 'хилый, вялый, непроторный', вологодск. [Ф III, 508].

В СВГ лексема *рохлый* имеет прямые значения: *'рыхлый, неплотный, рассыпчатый'* – Отойди, земля здись рохлая, осыпецца. Сямж. Монаст.; *'мягкий, воздушный'* – Тесто-то какое пышное и рохлое, пироги, поди, будут добрыё. Сямж. Монаст. и переносные значения: *'больной, слабый здоровьем (о человеке)'* – У меня семеро дитей скопилось, а муж-то такой рохлой быУ. Влгд. Почин. Мати-то у них худая, рохлая. Сок. Кокош.; *'тугливый'* – Парнишечка-то рохлый. Я вроде не громко сказала, а он вздрогнул. Баб. Скок. Поросёнки, мотри, рохлыё, осторожней надо с ним. Баб. Гор. [СВГ IX, 67].

Фамилия *Чечулин (Чечулинский)* [ТС, 352] находит подтверждение в деловой письменности XVII в., ср. именование посадского человека на страницах писцовой книги Вологды 1629 г. – Ларка Терентьев с. *Чечулин* [ПКВ 1629, 37].

Диалектная лексема *чечуля* зафиксирована во многих районах Вологодской области. *Чечуля* – это *'отдельная часть, кусок чего-либо'* – Экую щёлюю мяса в суп-от положил! К-Г. Смольян.; *'кусочек сахара'* – Чечули три положи, так и хватит. Баб. Безг. Цяю с щёлюей выпьем. Нюкс.

Климш.; 'уплотненный, округлый кусок чего-либо мягкого, комок' – Ну что и за кисель сварилУся, всё чечулями! Тот. Антуш. + Сямж.; 'творог' – Я к тебе за чечулями пришла. Тотьма; 'охапка' – Небольшими чечулями-то подавай, кривой зарод-то смечу. Ник. Филип.; в переносном значении чечуля – 'полная женщина' – Разве занести чечуле эдакой на зарод-то? Тяжела она! Ник. Филип. Глико, какая она чечуля – толстая, румяная, красивая! К-Г. Лисиц. Экая ты чечуля-то стала! Тарн. Лохта. [СВГ XII, 40 – 41].

Таким образом, как изучение личных именовании в памятниках местной деловой письменности, так и анализ современных фамилий позволяет реконструировать различные пласты лексики начального периода формирования национального русского языка, причём лексики не только общерусской, но и территориально ограниченной.

Литература

Еремина Е. С. Отражение диалектных черт в современных русских фамилиях (на материале фамилий жителей г. Волгограда) / Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2005.
Марченкова Ю. Ю. Фамилии Рославльского края (синхронический и диахронический аспекты) / Автореф. дис. канд. филол. наук. – Смоленск, 2006.

Трубачёв О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России: русские фамилии и фамилии. бытующие в России // Этимология 1966. – М., 1968. – С. 3–53.

Сокращения

ВФ – Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. – Вологда, 1995.

Ганж. – Ганжина И. Н. Словарь современных русских фамилий. – М., 2001.

Д – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 2000.

Поляк. – Полякова Е. И. К истокам пермских фамилий: Словарь. – Пермь, 1997.

СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вып. I – XII. – Вологда, 1983 – 2007.

ТС – Телефонный справочник «Вологда и Вологодский район. Наши абоненты 2000». – Вологда: ОАО «Электросвязь» Вологодской области, 2000.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. – Т. I–IV. – М., 1964–1973.

Источники

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего Л. Софонова. 1616 – 1617 г. (Публикация Ю. С. Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. – Вып. I. – Вологда: ВГПИ, «Русь», 1994.

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвостова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 14741.

КПВ – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвостова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (Кн. VIII), 14734 (Кн. II), 14735 (Кн. III).

ОСВ – Описание свитков Вологодского епархиального древнехранилища. – Вып. I – XVIII. – Вологда, 1899 – 1917.

ПКВ – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.